

Рафаэль Сабатини

Приспосо- бленец

Всякого, заинтересовавшегося карьерой Капулада, ожидает разочарование — настолько стремительным было его падение. Он быстро достиг такой стадии, где ему, как и всякому приспособленцу, пришлось забыть о своей гордости, и, оставив артистически изящное мошенничество, обратиться к куда более примитивному ремеслу вора и взломщика, что и привело его однажды ночью в дом мсье Лувеля. Старик Лувель слыл богатым человеком и обладал коллекцией редких старинных драгоценностей итальянской работы, которые, собственно, и соблазнили Капулада. И вот, в глухую полночь он стоял в кабинете Лувеля перед шкафом, где, как он предполагал, хранились сокровища. Шесть шагов, чтобы пресечь комнату, двадцать секунд, чтобы вскрыть панель шкафа, ещё пять минут на то, чтобы забрать добычу и благополучно убраться восвояси — это было всё, что он просил у фортуны. Однако скупая фортуна не уделила ему даже столь малого.

Едва он сделал первый шаг по направлению к шкафу, как во входную дверь громко постучали. Послышались приглушённые голоса, и лестница закричала под чьими-то тяжёлыми сапогами. Шаги приблизились к кабинету, где находился Капулад, остановились, и узкая полоска света блеснула внизу под запертой дверью. Быстро и бесшумно Капулад пересёк комнату, спрятался за занавесками, и с молитвой на устах и с ножом в руке замер там, готовый на всё, словно загнанная в угол крыса.

Дверь отворилась, и Лувель, в ночном колпаке, белом стёганом халате и со свечой в руке шагнул в комнату. За ним по пятам следовал высокий, щегольски одетый джентльмен. Это был Теодор Лувель, сын старого Лувеля, занимавший в Лионе высокий пост личного представителя генерального ревизора мсье Тюгро. Не проронив ни слова, старик подошёл к шкафу, отпер дверцы и настежь распахнул их.

— Смотри и убедись сам, — дрожащим от гнева голосом воскликнул он.

Он высоко поднял свечу, и её неровный свет осветил ряды пустых полок. Его сын непроизвольно сделал шаг назад, будто увидел перед собой змею. Подсматривавший из-за занавески Капулад закусил губу от досады.

— Что это значит? — вскричал Теодор. — Куда делись сокровища?

Его отец только рассмеялся в ответ, сухо и презрительно.

— У тебя случайно не сохранились счета, которые я исправно оплачивал последние два года? — прокаркал он.

Ты получил от меня пятьсот тысяч ливров, и чтобы раздобыть такую сумму, мне пришлось продать все свои драгоценности.

Теодор испытывающе посмотрел на отца, словно надеялся прочесть его мысли.

— Это ложь! — наконец процедил он сквозь зубы. — На что вы живете, если у вас ничего не осталось, а?

Старик не спеша закрыл шкаф и поставил свечу на стол.

— Ты собираешься лишить меня даже того немногого, что я сохранил, чтобы не умереть с голоду?

— Мне надо всего лишь десять тысяч

ливров, эта сумма спасет меня от гибели и позора, — сказал Теодор. — И на сей раз я верну вам долг, — с внезапной яростью добавил Теодор, выхватывая из кармана сложенную бумагу. — Вы слышали о мадам Лобро?

— Кому в Лионе не знакомо это имя? Благодаря ей лионский Большой театр превратился из заурядного театра марионеток в заведение, соперничающее с самыми знаменитыми столичными театрами, даже с Комеди Франсез. Ты намерен убить её и завладеть её драгоценностями?

— Да будет вам известно, — холодно произнёс Теодор — что разрешение на управление театром эта достойная дама получила от генерального ревизора. Поскольку я являюсь его представителем в Лионе, в моей власти отобрать у неё это разрешение. Некому мсье де Нуармону, позавидевшему на доходы Большого театра и захотевшему прибрать его к рукам, пришла в голову мысль, что я смогу помочь ему, если окажусь кровно заинтересован в этом. Вот, послушайте, — сказал Теодор, доставая из кармана бумагу, и вслух прочитал: «Сим удостоверяю, что обязуюсь выплатить мсье Теодору Лувелю сумму в десять тысяч ливров при условии, что разрешение на управление Большим театром Лиона будет передано мне. В дальнейшем обещаю выплачивать ему ежегодную ренту в восемь тысяч ливров до тех пор, пока Большой театр будет оставаться в моём управлении».

— Дай мне взглянуть, — попросил старый Лувель и задумчиво наморщил лоб.

Сын подал ему бумагу, и старик принялся внимательно разглядывать её. Убедившись, что это не фальшивка, он вновь задумался.

— Хорошо, — медленно произнёс он. — Завтра вечером ты получишь десять тысяч ливров, но это обязательство останется у меня в качестве гарантии. Кстати, когда я могу рассчитывать вернуть деньги?

— Театр может перейти под управление мсье де Нуармона не раньше, чем через две недели, — я вынужден соблюдать приличия.

Старик взял в руку свечу и вместе с сыном вышел из комнаты. Капулад чувствовал себя одуроченным. Стоило ли рисковать, если итальянские драгоценности уже проданы для того, чтобы заплатить картонные долги повесы Теодора? Он задумчиво подошёл к окну, осторожно открыл его и уже перекинул ногу через подоконник, как вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль. Он даже причмокнул от удовольствия.

На другое утро Капулад, представившись актёром, оказавшимся в бедственном положении, явился к мадам Лобро.

— Если вы пришли просить у меня помощи, мсье Капулад, то вы прибыли слишком поздно, — такими словами приветствовала его мадам Лобро, предлагая ему кресло.

— Мадам, вы глубоко заблуждаетесь, — ответил Капулад. — Я пришёл не просить о помощи, а предложить её.

Мне известны истинные причины ваших невзгод.

И он рассказал ей о сделке, заключённой между мсье Лувелем и мсье де Нуармоном.

— Какая подлость! — с негодованием вскричала она.

— Если бы только мы смогли представить доказательства этого сговора генеральному ревизору.

— Мадам, — заявил Капулад, вытаскивая из кармана вчетверо сложенную бумажку, — вот наши доказательства. Они подписаны самим мсье де Нуармоном.

Капулад зачитал ей условия позорного контракта, а она с изумлением смотрела на него, теряясь в догадках и не зная, можно верить ему или нет.

— Мсье, — спросила мадам Лобро, когда он закон-

чил, — как столь важный документ попал к вам в руки? — оборванный вид Капулада и хищное выражение его лица явно не внушали ей доверия.

— Мадам, — сказал Капулад, — я актёр лишь в очень широком смысле этого слова, и свои роли играл на сцене, которая называется «мир». Короче говоря, мадам, — тут он опустил глаза, словно стыдясь того, в чём ему приходилось признаваться, — я просто вор.

— И вы украли эту бумагу у мсье Лувеля? — спросила она.

Он поклонился ей.

— Мне пришла в голову мысль, что завладев ею, я совершу доброе дело и, одновременно, вознагражу себя за труды.

— Хорошо, мсье, я предлагаю вам тысячу ливров, — сказала она, — пятьсот сейчас, в обмен на документ, и расписку на оставшиеся пятьсот, которые вы получите, когда театр вновь станет моим.

Капулад задумался.

— Если я соглашусь, мадам, — спросил он, — как вы намерены действовать?

— Я поеду в Париж и положу эту бумажку на стол генеральному ревизору, — ответила она.

— Так вы можете всё испортить, — возразил он, — и я потеряю причитающиеся мне пятьсот ливров. Я настойчиво прошу вас, мадам, позволить мне отправиться вместе с вами.

Употребив все своё влияние, ей удалось уже на третий день добиться аудиенции у мсье Тюгро, в Тюильри, куда она явилась вместе с Капуладом.

— Я пришла сообщить вам, мсье, что ваш представитель в Лионе — мошенник, — заявила мадам Лобро. — Он злоупотребляет властью, которой вы наделили его, торгуя должностями ради своей собственной выгоды.

Тюгро с сомнением взглянул на своих посетителей — Лувель всегда пользовался полным его доверием — и Капулад неловко поёжился.

— Вы имеете в виду, мадам, аннулирование вашей лицензии на управление лионским театром? — устало осведомился генеральный ревизор. — Мой представитель приводит весьма веские доводы в пользу таких мер.

Мадам Лобро порывисто вздохнула.

— Могу ли я ознакомиться с доводами вашего представителя, мсье?

Тюгро взял в руку лежавшую перед ним на столе бумагу.

— Он, в частности, отмечает, мадам, что в ряде поставленных в лионском театре пьес активно проповедуются разлагающие общество доктрины о правах человека и тому подобная ересь.

— Но, мсье, это наглая ложь, — вспыхнула мадам Лобро.

— Мадам, я всецело полагаюсь на суждение моего представителя, — невозмутимо отозвался главный ревизор.

— А если я представлю доказательства, что мсье Лувель лишил меня лицензии за взятку? Не соизволите ли прочитать вот это?

Пробежав написанное глазами, Тюгро нахмурился и повертел документ в руках.

— Вы хотите сказать, что это не подделка? — пренеб-